

РОЛЬ БРИТАНСКОЙ ФИЛОСОФИИ В ФОРМИРОВАНИИ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Владимир Михайлович Огороков¹,
Николай Дмитриевич Кликунов²,
Полина Владимировна Огорокова³,
Алексей Владимирович Огороков⁴

¹Частное образовательное учреждение высшего образования «Курский институт менеджмента, экономики и бизнеса», Российская Федерация, 305000, г. Курск, ул. Радищева, д. 35, e-mail: vmo@mebik.ru

²Частное образовательное учреждение высшего образования «Курский институт менеджмента, экономики и бизнеса», Российская Федерация, 305000, г. Курск, ул. Радищева, д. 35, e-mail: nklikunov@yandex.ru

³Частное образовательное учреждение высшего образования «Курский институт менеджмента, экономики и бизнеса», Российская Федерация, 305000, г. Курск, ул. Радищева, д. 35, e-mail: pvo@mebik.ru

⁴Частное образовательное учреждение высшего образования «Курский институт менеджмента, экономики и бизнеса», Российская Федерация, 305000, г. Курск, ул. Радищева, д. 35, e-mail: okorokoff46@gmail.com

Аннотация. Введение. В условиях современного поиска цивилизационной идентичности и переосмысления оснований национального суверенитета актуализируется проблема границ восприимчивости российской государственной традиции к внешним интеллектуальным влияниям. Длительное время доминирующие нарративы либо абсолютизировали заимствования западных моделей, либо полностью отрицали их значимость. Цель настоящей работы – концептуализировать роль британской философской мысли в формировании российской государственности посредством выявления аксиологических, гносеологических и онтологических установок, воспринятых (равно как и отторгнутых) отечественной традицией.

Методы. Исследование базируется на междисциплинарной методологии, объединяющей историю-генетический, сравнительно-исторический, системно-структурный и институциональный подходы. Герменевтический анализ применён к первоисточникам – трудам Ф. Бэкона, Д. Юма, Дж. Беркли, Дж. Локка, Т. Гоббса, А. Смита, Т. Мальтуса, Дж. С. Милля, Дж. М. Кейнса. Использование метода case-study позволило рассмотреть конкретные периоды российско-британского интеллектуального взаимодействия.

Результаты. Осуществлена систематизация идей британских мыслителей в рамках триады «гносеология – онтология – аксиология» применительно к проблематике государственного управления. Выявлены устойчивые корреляции между концептами британской философии и элементами российской государственной доктрины, а также каналы их трансляции (личные контакты, переводы, университетское образование, полемика, реформы). Установлены критерии селекции идей, включающие цивилизационную совместимость, инструментальную полезность, институциональную конгруэнтность и элитную приемлемость. Показано, что рыночные принципы А. Смита были имплементированы благодаря их прагматической ценности, тогда как локковская модель разделения властей подверглась консервации в силу противоречия этатистской матрице.

Обсуждение. Обоснован тезис о самобытности современной российской государственности как результате избирательного синтеза. Внешние философские влияния не копируются, но трансформируются через механизмы отторжения, адаптации и инверсии под воздействием национальной цивилизационной матрицы, включающей этатизм, соборность, моральное измерение власти и мобилизационные практики. Британская мысль выступила источником проблематизации, но итоговая конфигурация российской государственности представляет собой уникальный сплав, не сводимый к исходным компонентам.

Ключевые слова: британская философия, российская государственность, цивилизационная матрица, избирательный синтез, гносеология, онтология, аксиология, этатизм.

Информация о финансировании: данное исследование выполнено без внешнего финансирования.

Для цитирования: Огороков В.М., Кликунов Н.Д., Огорокова П.В., Огороков А.В. Роль британской философии в формировании российской государственности // Государственное управление и право. 2026. № 1(09). С. 10-26. EDN: EHDBTI

THE ROLE OF BRITISH PHILOSOPHY IN THE FORMATION OF RUSSIAN STATEHOOD

Vladimir M. Okorokov¹,
Nikolai D. Klikunov²,
Polina V. Okorokova³,
Alexey V. Okorokov⁴

¹Private educational institution of higher education «Kursk Institute of Management, Economics and Business», 35 Radishcheva str., Kursk, 305000, Russian Federation, e-mail: vmo@mebik.ru

²Private educational institution of higher education «Kursk Institute of Management, Economics and Business», 35 Radishcheva str., Kursk, 305000, Russian Federation, e-mail: nklikunov@yandex.ru

³Private educational institution of higher education «Kursk Institute of Management, Economics and Business», 35 Radishcheva str., Kursk, 305000, Russian Federation, e-mail: pvo@mebik.ru

⁴Private educational institution of higher education «Kursk Institute of Management, Economics and Business», 35 Radishcheva str., Kursk, 305000, Russian Federation, e-mail: okorokoff46@gmail.com

Annotation. Introduction. In the context of the contemporary search for civilisational identity and the re-evaluation of the foundations of national sovereignty, the issue of the Russian state tradition's receptivity to external intellectual influences becomes particularly acute. For a long time, the dominant narratives either absolutised the borrowing of Western models or completely denied their significance. The aim of this work is to conceptualise the role of British philosophical thought in the formation of Russian statehood by identifying the axiological, epistemological, and ontological attitudes that have been adopted (as well as rejected) by the national tradition.

Methods. The study is based on an interdisciplinary methodology combining historical-genetic, comparative-historical, systemic-structural, and institutional approaches. Hermeneutic analysis is applied to primary sources – the works of F. Bacon, D. Hume, G. Berkeley, J. Locke, T. Hobbes, A. Smith, T. Malthus, J. S. Mill, and J. M. Keynes. The case-study method allows for the examination of specific periods of Russian-British intellectual interaction.

Results. The ideas of British thinkers are systematised within the triad of "epistemology – ontology – axiology" in relation to the issues of public administration. Stable correlations are identified between the concepts of British philosophy and elements of the Russian state doctrine, as well as the channels of their transmission (personal contacts, translations, university education, polemics, reforms). The criteria for the selection of ideas are established, including civilisational compatibility, instrumental utility, institutional congruence, and elite acceptability. It is shown that A. Smith's market principles were implemented due to their pragmatic value, whereas J. Locke's model of separation of powers underwent conservation because it contradicted the statist matrix.

Discussion. The thesis of the distinctiveness of modern Russian statehood as a result of selective synthesis is substantiated. External philosophical influences are not copied but are transformed through the mechanisms of rejection, adaptation, and inversion under the influence of the national civilisational matrix, which includes statism, sobornost' (priority of the collective), the moral dimension of power, and mobilisation practices. British thought acted as a source of problematisation, but the resulting configuration of Russian statehood represents a unique alloy irreducible to its original components.

Keywords: British philosophy, Russian statehood, civilisational matrix, selective synthesis, epistemology, ontology, axiology, statism.

Financing information: this study was carried out without external funding.

For citation: Okorokov, V.M., Klikunov, N.D., Okorokova, P.V., Okorokov, A.V. (2026). The Role of British philosophy in the formation of Russian statehood. Public administration and law. 1(09). 10-26. EDN: EHDBTI

Введение

Современный этап развития российской государственности характеризуется интенсивным поиском

цивилизационной идентичности и переосмыслением концептуальных оснований национального суверенитета. В условиях трансформации миропо-

рядка и перестройки систем международных отношений особую остроту приобретает вопрос о границах восприимчивости национальной политико-правовой традиции к внешним интеллектуальным влияниям. В данном контексте обращение к идейному наследию британской философии представляется не просто данью историографической традиции, но насущной исследовательской задачей.

Актуальность темы детерминирована необходимостью преодоления упрощённых схем в осмыслении дихотомии «Россия – Запад». Длительное время доминирующие нарративы либо абсолютизировали заимствования англосаксонских моделей, либо полностью отрицали их значимость, апеллируя к исключительности отечественного пути развития. Подобная поляризация препятствует формированию объективной картины генезиса российской государственности, которая, будучи самобытной, исторически развивалась в диалоге (как согласия, так и отторжения) с европейской, в том числе британской, мыслью.

Научная проблема исследования заключается в противоречии между признанием факта знакомства российской элиты с трудами британских мыслителей и отсутствием верифицированного знания о конкретных механизмах, каналах и пределах трансляции их идей (онтологических, гносеологических и аксиологических установок) в ткань отечественного государственного строительства. До настоящего времени остаются слабо изученными вопросы о том, какие именно компоненты британской философии оказались востребованы в различные периоды российской истории, а какие были отторгнуты в силу цивилизационной специфики.

Обращение к заявленной теме продиктовано потребностью в концептуализации интеллектуальных основ российского государства, что позволяет не только углубить историко-философское знание, но и выработать более тонкий инструментарий для анализа современных политических процессов, связанных с выбором ценностных ориентиров развития.

Цель и задачи исследования

Целью настоящей работы является концептуализация роли британской философской мысли в формировании российской государственности

посредством выявления тех аксиологических, гносеологических и онтологических установок, которые были восприняты (равно как и отторгнуты) отечественной интеллектуальной традицией в процессе государственного строительства.

Для достижения поставленной цели предполагается последовательное решение следующих исследовательских задач:

систематизировать ключевые идеи представителей британской философии (Ф. Бэкона, Д. Юма, Дж. Беркли, Дж. Локка, Т. Гоббса, А. Смита, Т. Мальтуса, Дж. С. Милля, Дж. М. Кейнса) в рамках триады «гносеология – онтология – аксиология» применительно к проблематике государственного управления и общественного устройства;

выявить корреляцию между отдельными положениями британской философской мысли и элементами российской государственной доктрины, проследив возможные каналы их трансляции в отечественный интеллектуальный дискурс;

определить критерии селекции британских идей российской политической элитой, установив факторы, способствовавшие имплементации одних концепций (например, рыночных принципов А. Смита) и консервации других (например, институтов управления в интерпретации Дж. Локка);

обосновать тезис о самобытности современной российской государственности как результате избирательного синтеза, в котором внешние философские влияния подвергаются существенной трансформации под воздействием национальной цивилизационной матрицы.

Объектом исследования выступает российская государственность в её историческом и концептуальном развитии. Предметом исследования являются идеи британской философии, рассматриваемые в контексте их влияния на формирование основ российской государственности.

Методы исследования

Теоретико-методологическая основа исследования детерминирована его междисциплинарным характером, располагающим на пересечении истории философии, политической теории и интеллектуальной истории. Для решения поставленных задач и обеспечения достоверности полученных выводов в работе применялся ком-

плекс взаимодополняющих методов.

Историко-генетический метод позволил рассмотреть идеи британских мыслителей в контексте конкретно-исторических условий их формирования, а также проследить эволюцию восприятия этих идей в российской интеллектуальной среде. Посредством данного метода реконструированы биографические и социально-политические контексты, в которых создавались философские труды, что способствует более точной интерпретации их изначального содержания и последующих трансформаций.

Сравнительно-исторический (компаративный) метод применён для сопоставления концептуальных построений британских философов (в частности, их взглядов на природу государства, права и свободы личности) с элементами отечественной государственно-правовой доктрины. Данный метод обеспечивает выявление как точек интеллектуального пересечения (зон возможного влияния), так и принципиальных расхождений, обусловленных цивилизационной спецификой.

Системно-структурный подход использован для упорядочения обширного философского материала. В его рамках идеи британских мыслителей классифицированы не по хронологическому принципу, а по их принадлежности к трём базисным философским категориям – гносеологии, онтологии и аксиологии. Это позволило представить совокупность британских философских влияний не как случайный набор фактов, а как определённую структуру, в которой каждый элемент (автор, концепция) выполняет свою функцию в формировании мировоззренческих основ государственности.

Герменевтический анализ (метод интерпретации текстов) применён при работе с первоисточниками – трудами Ф. Бэкона, Д. Юма, Дж. Локка, Т. Гоббса, А. Смита и других мыслителей. Данный подход обеспечил понимание смысловых акцентов, расставленных авторами в вопросах государственного устройства, и позволил отделить их аутентичные идеи от последующих интерпретаций.

Институциональный подход использован для анализа восприятия британских идей российской государственной традицией. В его рамках государство рассматривается не только как

политический институт, но и как «матрица», фильтрующая внешние идейные влияния. Это позволило перейти от констатации факта знакомства с идеями к объяснению механизмов их селекции: почему одни концепты (например, экономический либерализм А. Смита) нашли отклик, а другие (политические модели разделения властей Дж. Локка) были адаптированы лишь частично или подверглись ревизии.

Метод case-study (анализ конкретных случаев) применён при рассмотрении отдельных исторических периодов и ситуаций, в которых влияние британской мысли на российскую государственность проявлялось наиболее отчётливо (например, периоды англофилии и англофобии, дискуссии о роли государства в экономике в контексте идей Дж. М. Кейнса).

Комплексное применение вышеуказанных методов обеспечивает решение заявленных исследовательских задач, верифицируемость полученных результатов и обоснованность выводов о роли британской философии в формировании российской государственности.

Результаты исследования и их обсуждение

Вклад британской философии в становление и развитие российской государственности можно рассматривать с позиций гносеологического, онтологического и аксиологического подхода. Гносеология – философский подход к возможности познания сущностей, связан с идеями парадигмы и методологии в современном научном понимании. Ключевой вопрос – «Как?». Онтология или метафизика – философский подход к понятию сущности, включая человека, природу, Бога, государство, нацию и т. д. Ключевой вопрос – «Что?». Аксиология – философский подход к сущностям с точки зрения ценностных суждений, включающих этическую и эстетическую составляющие. Ключевой вопрос – «Зачем?».

С некоторой примитивизацией три «проклятых» русских вопроса применительно к философской «триаде» можно соотнести следующим образом:

Кто виноват? – онтология.

Что делать? – гносеология.

Кому на Руси жить хорошо? Что такое хорошо и что такое плохо? – аксиология.

Авторы статьи утверждают, что в определённой мере успех англосак-

сонской государственной и национальной парадигмы связан с концентрацией на гносеологических и аксиологических сущностных проблемах.

Британская философия в контексте подхода «гносеология – онтология – аксиология»

В значительной мере британская философская мысль, начиная с XIX века, сосредоточена на аксиологических вопросах, оставляя в стороне вопросы о методах и сущностях. Эстетика и этика лежат в основе мировосприятия цивилизованного человека, а совокупность человеческих мировосприятий формирует основы государственного фундамента, и исторически являлись базой Британской империи и её цивилизационной, а для ряда исследователей – псевдоцивилизационной, роли. Британия, начиная с XVI века, после «сватовства» Ивана Грозного к английской королеве, привлекала российскую управленческую и мыслящую элиту и как пример для подражания, и как пример того, как жить не надо и не должно. Отсюда и периоды российской англофилии, сменяемые англофобией. Возвышение США в XX веке не отменило синусоиду «любви-ненависти», расширив географические границы российского восприятия англосаксонской цивилизации.

Гносеология как направление философии о возможностях и методах познания

Фрэнсис Бэкон

Фрэнсис Бэкон родился в 1561, почил в 1626 году. Дворянин, виконт, депутат английского парламента, учился, но не закончил Кембридж (колледж Святой Троицы). Был хранителем королевской печати, обвинялся во взяточничестве, но помилован. Прихожанин англиканской церкви. Женится в 45 лет на 14-летней девушке из богатой дворянской семьи. Детей не было.

Сторонник эмпирического (индуктивного) подхода к пониманию действительности и мира: «истинное знание вытекает из чувственного опыта» [1]. Автор утверждения «Знание – сила».

Первый литературный труд: «Опыты и наставления нравственные и политические» (1597).

Давид Юм

Дэвид Юм родился в 1711, почил в 1776 году. Шотландец, дворянская семья, у отца юридическая практика. Учился, но не закончил Эдинбургский

университет. Женат не был.

Автор классической шеститомной истории Англии, сделавшей его популярным в британской научной среде, в философском плане придерживался доктрины скептицизма: «Рассудок, действующий самостоятельно и согласно своим наиболее общим принципам, безусловно подрывает себя самого и не оставляет ни малейшей очевидности ни одному суждению как в философии, так и в обыденной жизни» [2, с. 134].

Юм предложил свою гносеологическую теорию в работе «Исследование о человеческом познании»: «Опыт даёт познанию лишь «сырой материал», из которого познавательная активность ума получает конкретные познавательные результаты и на основе которого выстраивает общий вид познаваемой реальности» [2, с. 165].

Вклад в экономику состоял в том, что Юм описал механизм «золотодежных потоков», что явилось основой для критики меркантилистских воззрений [3].

Онтология как направление философии, исследующее сущности

Джордж Беркли

Джордж Беркли родился в 1685, почил в 1753 году. Ирландец, епископ англиканской церкви. Закончил Тринити-колледж в Дублине. Миссионерская миссия на Бермудских островах, возвращение в Англию, его ученик основал Колумбийский университет (Нью-Йорк, США). Женится в 43 года, трое детей.

Представитель философии идеализма считал, что эмпирическим доказать наличие материи невозможно, а представления и согласие о них между людьми обеспечивается божественным духом: «У познающего субъекта нет ни непосредственной очевидности, ни доказательного знания о существовании других конечных духов, которые есть лишь вероятностные умозаключения, основанные на аналогии» [4].

Артур Шопенгауэр называл Беркли отцом идеализма. Популярность философии Беркли выросла в XX веке и связана с открытиями в квантовой физике и популяризацией принципа неопределённости Гайзенберга [5].

Джон Локк

Джон Локк родился в 1632, почил в 1703 году. Отец – сторонник Кромвеля, адвокат, пуританин. Закончил Оксфордский университет, а потом работал в нём. Медицинское образование,

доктор Локк. Женат не был, детей не было.

Сферы интересов лежали в области естествознания, экономики, политики, медицины, педагогики, права. Основной труд: «Опыт о человеческом разумении». Один из основателей либерализма: «Правительство состоит из людей, избранных с общего согласия для наблюдения за точным соблюдением законов, установленных для сохранения общей свободы и благосостояния. При своём вступлении в государство человек подчиняется только этим законам» [6]. Человек – «чистая доска», и его личность определяется определённно только опытом, полученным чувственным восприятием.

Счастье состоит во всём том, что нравится и удовлетворяет дух, страдание – во всём том, что беспокоит, расстраивает и мучит дух.

Право на собственность является естественным правом. Сторонник конституционной монархии и теории общественного договора. Предложил принцип разделения властей. Государство создано для гарантии естественного права (жизнь, свобода, имущество) и законов (мир и безопасность).

Аксиология как направление философии, исследующее ценности, этику и эстетику

Томас Гоббс

Томас Гоббс родился в 1588, почил в 1679 году. Семья священника, родился раньше срока по причине того, что его мать увидела приближение к английскому берегу испанской великой Армады. Закончил Оксфордский университет: схоластика, физика, античная литература, древние языки. Женат не был, детей не было.

Основной труд жизни: «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского». Три формы государства: демократия, аристократия и монархия, причём наиболее предпочтительной формой правления является монархия. Церковь должна быть подчинена государству.

Разработчик концепции государства как Левиафана, способного прекратить войну всех против всех: «В государстве, граждане которого устраивают мятежи, имеются налицо и должны быть отмечены три начала: во-первых, учения и склонности, противные миру, предрасполагающие людей к мятежу; во-вторых, те склонности, которые уже предрасположенных

склоняют, призывают и направляют к отделению и к оружию; в-третьих, способ, которым всё это происходит, или само восстание» [7].

В современной теории общественного выбора обоснование необходимости прямого государственного вмешательства называют «гоббсианским подходом» [8].

Адам Смит

Адам Смит родился в 1723, почил в 1790 году. Шотландец, семья контроллера таможи. Закончил университет в Глазго, учился в Оксфорде. Занимался педагогической деятельностью, обучая детей богатых англичан и французов. Стал доктором права и преподавал в университете Глазго. Женат не был, детей не было.

Автор книги «Теория нравственных чувств» и популярного 1000-страничного трёхтомного опуса «Исследование о природе и причинах богатства народов», который, по мнению А.С. Пушкина, читал Евгений Онегин. Концепция А. Смита о специализации и разделении труда легла в основу современной экономической теории.

Считал, что «справедливость является, в отличие от прочих добродетелей, обязательной для всех и может быть навязанной насильственно, так как представляет собой «главную основу общественного устройства» [9].

Сторонник концепции государства – «ночного сторожа», обеспечивающего выполнение законов, норм, правил и гарантирующего населению внутреннюю и внешнюю безопасность.

Томас Мальтус

Томас Роберт Мальтус родился в 1766, почил в 1834 году. Дворянин, младший сын в семье, поэтому стал священником. Окончил Кембриджский университет. Женился в 38 лет на двоюродной сестре, отец троих детей.

Один из основателей демографии, работа «Опыт о законе народонаселения» [10] издавалась при жизни Мальтуса, переписывалась и переиздавалась не менее четырёх раз.

Сторонник умеренного государственного регулирования общественной и экономической жизни. В историю экономического анализа вошёл как автор «мальтузианской ловушки», т. е. бедность порождается избыточным деторождением, растущим в геометрической прогрессии, а рост продуктов питания характеризуется убывающей отдачей (арифметическая прогрессия),

в результате уровень жизни простых людей снижается до прожиточного минимума.

Вмешательство государства и общественных институтов, включая церковь и просветительскую деятельность, способствуют умеренности и позволяют вырваться из ловушки бедности. Контроль рождаемости, по Мальтусу, этически оправдан.

Джон Стюарт Милль

Джон Стюарт Милль родился в 1806, почил в 1873 году. Из профессорской семьи, первый из шести детей. Окончил университетский колледж Лондона. Женится в 45 лет, биологических детей не было, т. к. жена умерла через семь лет после свадьбы, усыновил троих детей жены от первого брака.

Агностик, скептик, либерал, крестный отец философа Бертрана Рассела. Защитник свободы слова, феминизма, противник цензуры. Автор трёхтомника «Принципы политической экономики», где поддержал определённые положения социалистической теории. Работа стала, по сути, обновлённым вариантом труда «Причины богатства народов» Адама Смита.

Автор пяти логических методов исследования причинных связей: метод сходства, метод различия, соединённый метод сходства и различия, метод сопутствующих изменений: «Всякое явление, изменяющееся определённым образом всякий раз, когда некоторым особенным образом изменяется другое явление, есть либо причина, либо следствие этого явления, либо соединено с ним какой-либо причинной связью» [1], метод остатков, что лежит в основе современного эконометрического подхода.

В анализе государственности исходил из утилитаристских принципов – вмешательство государства оправдано, если в результате сумма выгод превышает сумму издержек, связанных с ним.

Джон Мейнард Кейнс

Джон Мейнард Кейнс родился в 1883, почил в 1946 году. Профессорская семья, отец – преподаватель экономики и логики, мать – общественный деятель, мэр Кембриджа, и писатель. Закончил Кембриджский университет. Женат, детей не было.

Один из самых влиятельных экономистов и философов XX века. Критиковал Версальский договор, за критику был изгнан из правительства Велико-

британии, но по факту оказался прав.

Наиболее знаменитое произведение «Общая теория занятости, процента и денег» [12], где обосновал значимость ожиданий, совокупного спроса и государственного интервенционализма. Обосновывал и оправдывал логику меркантилистского подхода, с симпатией относился к Советскому Союзу, в который лично приезжал с женой, балериной Лидией Лапуховой.

Философия Кейнса строилась вокруг самосбывающихся прогнозов. Если общественное мнение меняется, то результатом изменения мнения становятся фактические события. Например, если население ожидает экономическую рецессию, то она происходит.

Государство как система может влиять на общественное мнение, формировать ожидания, добиваясь более благоприятных равновесных исходов, как в экономике, так и в повседневной жизни.

Гносеологический вектор: инструментарий познания и управления

Рассмотрение британской философской мысли сквозь призму гносеологии позволяет выявить те методологические установки, которые сформировали подходы к познанию социальной реальности и, как следствие, к управлению ею. Фрэнсис Бэкон, обосновывая приоритет эмпирического (индуктивного) метода, заложил фундамент не только для естественнонаучного познания, но и для эмпирической традиции в исследовании общества. Его тезис «знание – сила» приобретает в контексте государственного управления отчётливое прагматическое звучание: эффективное управление невозможно без достоверного знания об управляемой системе, полученного через опыт и наблюдение.

Давид Юм, развивая эмпирическую традицию, вводит в неё элемент скептицизма, принципиально важный для понимания границ управленческого воздействия. Его утверждение о том, что рассудок не способен дать безусловной очевидности, предостерегает от догматизма в политической практике. Юмовская трактовка опыта как «сырого материала», требующего познавательной активности ума, акцентирует роль интерпретации в процессе принятия решений. Для государственного управления это означает, что любые управленческие модели не более

чем вероятностные конструкции, эффективность которых проверяется исключительно практикой, а не априорными умозрительными схемами.

Онтологический вектор: природа человека и сущность государства

В области онтологии британская мысль предложила ряд концепций, определивших понимание фундаментальных оснований государственности – природы человека, происхождения власти и сущности общественных институтов.

Джордж Беркли, отстаивая позиции идеализма, сместил фокус внимания с материальной детерминации социальных процессов на сферу сознания и коллективных представлений. Его тезис об отсутствии непосредственной очевидности существования «других конечных духов» (то есть других людей) парадоксальным образом высвечивает проблему социального конструирования реальности. Государство, с этой точки зрения, существует не столько как материально-силовой институт, сколько как разделяемый большинством «образ», поддерживаемый верой и согласием. В XX веке, с развитием теорий общественного договора и социального конструктивизма, эта идея приобрела особую актуальность.

Джон Локк предложил онтологическую модель, ставшую фундаментом либеральной традиции. Его концепция человека как «чистой доски» (*tabula rasa*), формируемой исключительно опытом, снимала эссенциалистские (врождённые) ограничения с понимания человеческой природы и открывала простор для социального реформизма. Онтология Локка включает в себя не только человека, но и государство как производный институт. Государство в его трактовке не является первичной данностью, а возникает из естественного состояния с целью гарантии неотчуждаемых прав (жизнь, свобода, собственность). Это положение переводит дискуссию о государстве из плоскости метафизической (что есть государство «по природе»?) в плоскость функциональную (для чего оно создано и каковы пределы его власти?). Предложенное Локком разделение властей стало институциональным воплощением его онтологических представлений о недопустимости концентрации суверенитета.

Аксиологический вектор: ценности, этика и цели общественного развития

Наибольшее влияние на формирование российской государственности, согласно заявленной гипотезе, оказал аксиологический блок британской философии, то есть учения о ценностях, целях и нравственных основаниях общежития.

Томас Гоббс предложил аксиологическую модель, в которой высшей ценностью выступает мир и безопасность, достигаемые через абсолютный суверенитет государства-«Левиафана». Гоббсианская аксиология исходит из негативной оценки «естественного состояния» (война всех против всех) и позитивной оценки государственного принуждения как инструмента преодоления этой войны. В современном дискурсе этот подход легитимирует прямое государственное вмешательство во имя общественного блага и предотвращения деструктивных конфликтов. Для российской традиции, исторически тяготеющей к сильному центру, гоббсианская интуиция о государстве как гаранте порядка оказалась глубоко релевантной.

Адам Смит сместил аксиологический акцент с безопасности на справедливость и экономическую свободу. Его концепция государства – «ночного сторожа» – базируется на признании самоценности индивидуальной хозяйственной инициативы. Однако Смит не ограничивается утилитарной апологией рынка; его «Теория нравственных чувств» вводит в аксиологический дискурс категорию симпатии как основы социальной солидарности. Справедливость, по Смиту, является обязательной добродетелью, обеспечивающей само существование общества. В этом пункте обнаруживается точка пересечения с российскими этическими исканиями, традиционно ориентированными на поиски правды и справедливости как фундаментальных оснований общежития.

Томас Мальтус предложил аксиологическую дилемму, связанную с демографическими процессами и распределением ресурсов. Его анализ «ловушки бедности» проблематизировал вопрос о границах этически оправданного вмешательства государства в частную жизнь (включая контроль рождаемости). Мальтузианский подход вынуждает к рефлексии над ценностными основаниями социальной политики: является ли помощь бедным безусловным благом или она способствует

воспроизводству патерналистских настроений и консервации отсталости?

Джон Стюарт Милль развил утилитаристскую аксиологию, предложив прагматический критерий оценки государственного вмешательства: оно оправдано, если сумма общественных выгод превышает издержки. Этот подход, с одной стороны, задаёт инструментарий для рациональной оценки политики, а с другой – оставляет пространство для ценностного выбора, поскольку вопрос о том, что считать «выгодой» и «издержками», решается в конкретном социально-историческом контексте. Милль также внес вклад в аксиологию своим последовательным отстаиванием свободы слова и прав женщин, что расширяло представления о границах индивидуальной автономии.

Джон Мейнард Кейнс совершил аксиологический переворот в XX веке, обосновав ценность государственного интервенционизма в условиях рыночной нестабильности. Его теория самосбывающихся прогнозов ввела в аксиологию управления фактор ожиданий и коллективных настроений. Государство в кейнсианской парадигме выступает не просто гарантом правил, но активным субъектом, формирующим общественное мнение и корректирующим траекторию развития. Симпатия Кейнса к советскому эксперименту свидетельствовала о поиске синтеза между рыночной эффективностью и ценностями социальной справедливости, что сохраняет актуальность и для современных дискуссий о модели российской государственности.

Систематизация идей британских

мыслителей в рамках триады «гносеология – онтология – аксиология» позволяет увидеть не просто совокупность разрозненных концепций, но взаимосвязанный комплекс представлений, охватывающих методы познания общества, понимание его сущностных оснований и ценностные ориентиры его развития. Эта структура создаёт концептуальную рамку для анализа того, какие именно элементы британской мысли оказались востребованы (или, напротив, отвергнуты) в процессе формирования российской государственности.

Для понимания реальной роли британской философии в формировании российской государственности недостаточно констатировать факт знакомства отечественных мыслителей и государственных деятелей с трудами английских авторов. Необходимо выявить корреляцию между конкретными концептами британской мысли и теми элементами российской государственной доктрины, которые обрели институциональное или идеологическое оформление в различные исторические периоды. При этом важно учитывать, что трансляция идей никогда не является прямым копированием; она всегда опосредована культурным, политическим и социальным контекстом страны-реципиента.

Корреляция идей: от философского концепта к российской практике

Анализ позволяет выделить несколько устойчивых корреляционных связей между идеями британских мыслителей и элементами российской государственной традиции, которые представлены в таблице 1.

Таблица 1. Корреляция идей британской философии и элементов российской государственной доктрины [составлено авторами]

Table 1. Correlation of ideas of British philosophy and elements of Russian state doctrine [compiled by the authors]

Философ	Ключевая идея (применительно к управлению)	Сфера влияния	Проявление / корреляция в российской государственной традиции
1	2	3	4
Ф. Бэкон	Эмпиризм как основа познания; знание – сила; прагматизм в управлении	Методология управления, государственное планирование	Реформы Петра I, ориентированные на практическое заимствование технологий и управленческих практик; советский Госплан как попытка построить управление на научной (эмпирической) основе; современные программы стратегического планирования

1	2	3	4
Д. Юм	Скептицизм в познании; вероятностный характер выводов; критика догматизма	Политическая рефлексия, отношение к реформам	Традиционный российский консерватизм, скептически относящийся к радикальным преобразованиям «сверху» (позиция Н.М. Карамзина, славянофилов); осторожность в оценке западных моделей как универсальных рецептов
Дж. Локк	Естественные права (жизнь, свобода, собственность); разделение властей; общественный договор; верховенство закона	Политическое устройство, правовая система	Частичная рецепция в «Наказе» Екатерины II; дискуссии о конституции в XIX – начале XX в.; современное конституционное закрепление разделения властей и прав человека (с учётом национальной специфики)
Т. Гоббс	Государство как «Левиафан», гарант мира и порядка; приоритет безопасности над свободой; суверенитет как высшая ценность	Роль государства, централизация власти	Идеология «сильной руки» и централизации в московский период (Иван Грозный) и имперский период; советская модель мобилизационного государства; современная концепция суверенитета как основы государственности
А. Смит	Экономическая свобода; разделение труда; государство – «ночной сторож»	Экономическая политика	Реформы С.Ю. Витте и П.А. Столыпина; экономические реформы 1990-х годов (либерализация); современная рыночная модель при сохранении значительного госсектора
Т. Мальтус	Демографическая динамика и ограниченность ресурсов; «ловушка бедности»; необходимость социального регулирования	Социальная политика, демография	Дискуссии о народонаселении в России XIX в.; советская политика поощрения рождаемости; современные демографические программы и дилеммы социальной поддержки (пособия vs. стимулирование занятости)
Дж. С. Милль	Утилитаризм (выгоды vs. издержки); свобода слова; эмансипация; индуктивная логика	Методология принятия решений, гражданские свободы	Оценка эффективности реформ в Российской империи и СССР; современный анализ регулирования (оценка регулирующего воздействия); дискуссии о пределах цензуры и свободы слова
Дж. М. Кейнс	Государственное регулирование совокупного спроса; самосбывающиеся прогнозы; управление ожиданиями	Антикризисная политика, макроэкономическое планирование	Косвенное влияние на индустриализацию в СССР (через идеи планирования); посткризисная политика 2008-2009 гг. и 2020-2022 гг. (госинвестиции, поддержка спроса); работа с инфляционными ожиданиями населения

Как видно из таблицы, корреляция прослеживается по широкому спектру направлений государственной политики – от методологии планирования до конкретных мер в экономике и социальной сфере. Однако характер этой корреляции различен: в одних случаях можно говорить о прямом заимствовании (либеральные экономические реформы), в других – об использовании

британских идей для обоснования уже сложившихся практик (гоббсианское обоснование сильной власти), в третьих – о полемическом отталкивании (скептицизм Юма как аргумент против копирования западных моделей).

Каналы трансляции британской мысли в российский интеллектуальный дискурс

Выявление корреляции было бы

неполным без анализа каналов, по которым происходила трансляция идей. В истории российско-британского интеллектуального взаимодействия можно выделить несколько устойчивых каналов.

Первый канал – личные контакты и дипломатическое взаимодействие. Уже с XVI века, со времени Ивана Грозного и его контактов с английской короной, устанавливаются прямые связи, в рамках которых происходил обмен не только товарами, но и идеями. Английские купцы, дипломаты, а позднее военные и инженеры выступали носителями практического знания, в том числе в области управления.

Второй канал – переводческая деятельность и книгоиздание. Начиная с XVIII века, труды британских философов систематически переводятся на русский язык. «Богатство народов» А. Смита, как справедливо отмечают авторы, было знакомо образованной публике (упоминание у А.С. Пушкина). Переводы работ Дж. Локка, Т. Гоббса, а позднее Дж. С. Милля и Дж. М. Кейнса формировали понятийный аппарат, в котором российские мыслители и государственные деятели осмысливали проблемы управления.

Третий канал – университетское образование и научные стажировки. Российские государственные деятели и мыслители XIX – начала XX века получали образование или проходили стажировки в европейских университетах, включая британские (Оксфорд, Кембридж, Лондонский университет). Это обеспечивало непосредственное усвоение идей в их аутентичном контексте.

Четвёртый канал – интеллектуальная полемика. Идеи британских философов нередко входили в российский дискурс через их критику или адаптацию в трудах отечественных мыслителей. Например, славянофилы и западники в своих спорах активно апеллировали к британской политической и экономической мысли, интерпретируя её в соответствии с собственными мировоззренческими установками. Тем самым британские концепты становились частью внутренней российской интеллектуальной повестки.

Пятый канал – практическая апробация в реформах. Наиболее значимым каналом трансляции являлась непосредственная имплементация идей

в ходе государственных реформ. Реформы Александра II, столыпинские преобразования, новая экономическая политика (НЭП) 1920-х годов, либеральные реформы 1990-х – все эти этапы сопровождались обращением к западному, в том числе британскому, опыту, который служил либо образцом, либо «антиобразцом» для подражания.

Таким образом, корреляция между британской философской мыслью и российской государственной доктриной не является случайной или поверхностной. Она формировалась через устойчивые каналы интеллектуальной коммуникации и проявлялась в различные исторические эпохи, хотя степень и характер влияния варьировались. Российская государственная традиция демонстрирует избирательную восприимчивость к британским идеям, что подтверждает тезис о самобытности как результате сложного синтеза внешних влияний и внутренних цивилизационных оснований.

Проблема избирательной восприимчивости

Анализ корреляции между британской философской мыслью и российской государственной доктриной демонстрирует устойчивую закономерность: российская политическая элита на протяжении столетий демонстрировала избирательную восприимчивость к идеям англосаксонского происхождения. Одни концепции (экономический либерализм А. Смита, кейнсианские методы регулирования) активно имплементировались, другие (локковская модель разделения властей, теория общественного договора в её классическом виде) подвергались консервации, то есть либо отвергались, либо трансформировались до неузнаваемости. Возникает закономерный вопрос: каковы критерии этой селекции и какие факторы определяют «проходимость» тех или иных идей сквозь фильтры национальной политической культуры?

Теоретическая рамка: концепция фильтров

Для объяснения механизмов селекции представляется продуктивным использовать метафору «фильтров», через которые проходит любая внешняя идейная инновация, прежде чем быть имплементированной в ткань национальной государственности. Можно выделить четыре основных типа таких фильтров, действующих в российской

политической традиции.

Первый фильтр – цивилизационный (социокультурный). Он отсеивает идеи, противоречащие базовым ценностным установкам, исторически сложившимся формам социальности и представлениям о должном устройстве общества. К числу таких установок в российской традиции относятся: приоритет соборного (коллективного) начала над индивидуальным, этатизм (восприятие государства как высшей ценности и интегрального целого), особая роль морально-нравственного измерения власти (поиск «правды», а не формальной «истины»).

Второй фильтр – политико-прагматический. Он действует на уровне текущих задач, стоящих перед государством. Идеи, предлагающие эффективные решения актуальных проблем (экономическое развитие, обеспечение безопасности, преодоление кризисов), имеют значительно больше шансов на имплементацию, независимо от их философского «происхождения». Этот фильтр ориентирован на результат и инструментальную полезность.

Третий фильтр – институциональный (структурный). Он связан с уже сложившейся конфигурацией поли-

тических и экономических институтов. Идеи, требующие радикальной ломки существующих институтов, встречают гораздо более сильное сопротивление, чем те, которые могут быть встроены в наличную институциональную среду без её разрушения. Институты обладают свойством инерции и «отторгают» чуждые им трансплантаты.

Четвёртый фильтр – элитно-групповой. На этом уровне действуют интересы конкретных групп влияния (политической бюрократии, экономических кланов, региональных элит). Идеи, угрожающие положению или интересам доминирующих групп, блокируются; идеи, сулящие им выгоду или укрепляющие их позиции, активно продвигаются.

Действие указанных фильтров не является линейным и однонаправленным. Они взаимодействуют, накладываются друг на друга, и итоговый результат селекции (имплементация, трансформация или отторжение) определяется их совокупным влиянием.

Анализ факторов имплементации и консервации

Применим предложенную модель для анализа судеб ключевых британских концепций в российской традиции (таблица 2).

Таблица 2. Факторы селекции британских идей в российской государственной традиции [составлено авторами]

Table 2. Factors of selection of British ideas in the Russian state tradition [compiled by the authors]

Философ / Концепция	Судьба в России	Цивилизационный фильтр	Политико-прагматический фильтр	Институциональный фильтр	Элитно-групповой фильтр
1	2	3	4	5	6
А. Смит (рыночные принципы, разделение труда)	Имплементация (с ограничениями)	Частично совместим (индивидуализм противоречит соборности, но прагматика хозяйствования принимается)	Высокая полезность для экономического роста и преодоления отсталости (Витте, Столыпин, 1990-е)	Возможность встраивания в смешанную экономику без разрушения госсектора	Поддержка со стороны предпринимательских слоёв и реформаторских групп в элите
Дж. Локк (разделение властей, естественные права, общественный договор)	Консервация / Трансформация	Низкая совместимость (индивидуализм, договорная природа власти vs. Сакрализация власти, этатизм)	Воспринималась как угроза стабильности и управляемости в критические периоды	Противоречит традиции сильной централизованной власти (самодержавие, советская номенклатура, вертикаль власти)	Угрожает положению бюрократии правящего слоя, ограничивая их полномочия

Продолжение табл. 2
Continuation of table 2

1	2	3	4	5	6
Т. Гоббс (государство-Левиафан, приоритет безопасности)	Имплементация (активная)	Высокая совместимость (этапизм, приоритет порядка, жертва свободой ради безопасности)	Высокая полезность в периоды внешних угроз и внутренней нестабильности	Легитимирует и укрепляет существующие институты централизации	Укрепляет позиции элиты как гаранта порядка
Дж. М. Кейнс (госрегулирование, управление спросом)	Имплементация (выборочная)	Совместим с традицией государственного патернализма и активной роли государства в экономике	Высокая полезность в кризисных ситуациях (2008, 2020)	Встраивается в модель «государственного капитализма» с доминированием госсектора	Поддерживается бюрократией, контролирующей финансовые потоки
Т. Мальтус (демографическое регулирование)	Консервация / Дискуссионность	Противоречит традиционным ценностям (многодетность, религиозные нормы)	Полезность признаётся на уровне демографической политики, но методы часто табуированы	Слабая институционализация (нет жёсткой демографической политики)	Противоречит интересам консервативных групп и традиционных конфессий
Дж. С. Милль (утилитаризм, свобода слова)	Частичная имплементация	Утилитаризм совместим (прагматизм власти), свобода слова – ограничено	Оценка выгод/издержек внедрения (ОРВ), либеральные свободы – в периоды оттепелей	Оценка регулирования институционализирована; свободы – ситуативно	Зависит от баланса сил между либеральным и консервативным крылом элиты

Специфика восприятия: дилемма Локка и прагматика Смита

Наиболее показательным для понимания критериев селекции является сопоставление судеб идей Джона Локка и Адама Смита, что прямо вытекает из формулировки исследовательской задачи.

Почему были восприняты рыночные принципы А. Смита? Экономический либерализм Смита прошёл через фильтры селекции прежде всего благодаря своей инструментальной полезности. Российское государство, начиная с петровских реформ, постоянно сталкивалось с вызовом экономической модернизации и необходимости преодоления технологического отставания от Запада. Идеи разделения труда, специализации, свободного рынка (в определённых пределах) предлагали работающие механизмы решения этой задачи. При этом смитовская модель была деполитизирована: она не требовала немедленного изменения политической системы и могла быть реализована в рамках традиционной для России сильной государственной власти. Государство как бы «делегирует» экономическую

свободу, сохраняя за собой политический суверенитет. Кроме того, на определённых этапах (реформы Витте, 1990-е годы) идеи Смита получали мощную поддержку со стороны элитных групп, ориентированных на интеграцию в мировую экономику.

Почему были законсервированы институты управления в интерпретации Дж. Локка? Локковская модель, напротив, оказалась гораздо менее проходимой через российские фильтры. Её ядро составляют идеи, прямо противоречащие базовым основаниям российской государственности: договорная природа власти (власть как продукт согласия, а не сакральная данность), разделение властей как система сдержек и противовесов, ограничивающая суверенитет, и приоритет индивидуальных прав над государственной целесообразностью. Цивилизационный фильтр отсеивал эти идеи как чуждые. Политико-прагматический фильтр в критические для страны периоды (войны, модернизационные рывки) работал против локковской модели, поскольку она воспринималась как ослабляющая «вертикаль власти» и снижающая управляемость. Инсти-

туциональный фильтр блокировал её, поскольку она требовала демонтажа сложившейся системы централизованного управления. Наконец, элитные группы (бюрократия, силовые структуры) объективно были не заинтересованы в усилении парламентского и судебного контроля над своими действиями.

Проведённый анализ позволяет выделить следующие устойчивые критерии селекции британских идей российской политической элитой:

Критерий цивилизационной совместимости: идеи, не противоречащие базовым ценностным установкам (этатизм, приоритет коллективного, особая роль морального измерения власти), имеют значительно более высокие шансы на имплементацию.

Критерий инструментальной полезности: идеи, предлагающие эффективные решения актуальных проблем развития (экономический рост, безопасность, преодоление кризисов), востребованы независимо от их происхождения.

Критерий институциональной конгруэнтности: идеи, которые могут быть встроены в сложившуюся институциональную среду без её радикальной ломки, приживаются легче, чем требующие институциональной революции.

Критерий элитной приемлемости: идеи, не угрожающие положению доминирующих элитных групп и, более того, укрепляющие их позиции или легитимирующие их власть, получают административную и политическую поддержку.

Таким образом, селекция британских идей в российской государственной традиции не является случайной или хаотичной. Она подчиняется устойчивым закономерностям, определяемым взаимодействием цивилизационных, прагматических, институциональных и элитных факторов. Самобытность российской государственности, о которой говорят авторы, есть результат именно такой избирательной фильтрации, в ходе которой внешние влияния подвергаются глубокой трансформации и адаптации к национальным условиям.

В дискуссиях о российской государственности понятие «самобытность» нередко употребляется либо как идеологический штамп, либо как указание на изоляцию и закрытость от внешних влияний. Проведённый в настоящем

исследовании анализ позволяет предложить иную трактовку: самобытность современной российской государственности представляет собой не отрицание внешних влияний, а устойчивый результат их избирательной рецепции, глубокой трансформации и интеграции в национальную цивилизационную матрицу. Иными словами, Россия заимствовала не готовые модели, а «сырьё» (идеи, концепты, проблематику), перерабатывая его в соответствии с собственными культурными кодами, историческим опытом и геополитическими условиями.

Понятие цивилизационной матрицы

Под цивилизационной матрицей в данном контексте понимается устойчивая совокупность базовых ценностных ориентаций, институциональных форм, поведенческих паттернов и способов легитимации власти, воспроизводящихся на протяжении длительных исторических периодов и определяющих «лицо» данной цивилизации. Применительно к России к числу конституирующих элементов такой матрицы относятся:

этатизм как доминанта: восприятие государства не как инструмента решения частных задач, а как интегрального целого, сакральной ценности и главного субъекта исторического действия;

соборность (приоритет коллективного): доминирование «мы»-идентичности над «я»-идентичностью, понимание личности как включённой в общину, коллектив, государство;

морально-нравственное измерение власти: легитимация власти не столько формально-правовыми процедурами, сколько её соответствием представлениям о «правде», «справедливости» и моральном авторитете;

мобилизационный тип развития: периодическое обращение к чрезвычайным методам управления для преодоления внешних угроз и внутренних разрывов (географических, технологических, социальных).

Эти элементы матрицы выступают в качестве тех самых фильтров, которые были описаны при решении третьей задачи, и задают параметры трансформации любых внешних идейных влияний.

Трансформация британских идей: от заимствования к синтезу

Анализ судеб конкретных британских концепций, проведённый в пре-

дыдущих разделах, позволяет выделить типичные модели их трансформации

при встраивании в российскую цивилизационную матрицу (таблица 3).

Таблица 3. Трансформация британских идей в контексте российской цивилизационной матрицы [составлено авторами]

Table 3. Transformation of British ideas in the context of the Russian civilizational matrix [compiled by the authors]

Исходная британская идея (оригинал)	Что произошло при рецепции в России	Результат трансформации (синтез)	Проявление в современной российской государственности
1	2	3	4
Экономический либерализм А. Смита (свободный рынок, минимальное государство, невмешательство)	Инверсия смысла	Рыночные механизмы допускаются, но под жёстким государственным контролем и при доминировании госсектора в стратегических отраслях	Модель «государственного капитализма»: рынок существует, но государство остаётся главным игроком и арбитром
Разделение властей Дж. Локка (система сдержек и противовесов, независимые ветви власти)	Редукция и формализация	Разделение властей закреплёно конституционно, но реальный политический процесс предполагает доминирование исполнительной власти и механизмы «вертикали»	Президентская республика с сильной исполнительной властью; парламент и суды выполняют свои функции, но в рамках заданных политических параметров
Государство-«ночной сторож» А. Смита / классических либералов	Отторжение и замена альтернативой	Отвергнуто в пользу этатистской модели государства-гаранта, государства-развивателя («государство-Левиафан» в гоббсианской версии)	Государство участвует во всех сферах: экономика, социальная сфера, идеология, безопасность
Утилитаризм Дж. С. Милля (оценка политики по критерию выгод/издержек)	Адаптация и инструментализация	Принят как метод оценки эффективности (оценка регулирующего воздействия, программно-целевое планирование), но не как мировоззренческая основа	Внедрены процедуры ОПВ, госпрограммы с КПЭ, но базовые решения принимаются исходя из политической целесообразности, а не только экономической эффективности
Гоббсианская модель государства (приоритет безопасности, суверенитет, сильная власть)	Усиление и абсолютизация	Гоббсианские интуиции оказались глубоко созвучны российской матрице и были не просто приняты, но усилены и распространены на все сферы	Идеология «суверенной демократии», приоритет национальной безопасности, «вертикаль власти», силовые структуры как ключевой институт
Кейнсианское регулирование (антициклическая политика, управление спросом)	Сращивание с традицией патернализма	Кейнсианские методы наложились на исторически сложившийся патернализм и этатизм, породив устойчивую модель государственной поддержки и перераспределения	Социальные гарантии, госинвестиции в кризис, поддержка системообразующих предприятий, работа с инфляционными ожиданиями

Как видно из таблицы 3, ни одна британская идея не была имплементирована в российскую практику в своём исходном, «чистом» виде. Каждая из них подверглась существенной трансформации, характер которой определялся взаимодействием с элементами цивилизационной матрицы.

Механизмы трансформации: отторжение, адаптация, инверсия

Обобщая представленный материал, можно выделить три основных механизма трансформации внешних идей в российской традиции.

Первый механизм – отторжение. Идеи, прямо противоречащие базовым ценностям основаниям матрицы, не просто отвергаются, но часто маркируются как «чуждые» и «опасные». Это произошло с идеей классического об-

ществленного договора (власть как результат согласия, которое может быть пересмотрено) и с моделью государства как нейтрального арбитра, стоящего над обществом (в российской традиции государство – это и есть общество в его политическом измерении).

Второй механизм – адаптация (встраивание с изменением). Идеи, обладающие инструментальной полезностью, но несущие в себе чуждые ценностные коннотации, подвергаются «очистке» от этих коннотаций и встраиваются в наличные институциональные формы. Наиболее яркий пример – рыночная экономика, которая была принята как эффективный хозяйственный механизм, но «очищена» от сопутствующего ей в англосаксонской традиции культа индивидуальной свободы и минимального государства.

Третий механизм – инверсия (переворачивание смысла). Некоторые идеи, будучи заимствованными, используются для обоснования прямо противоположных исходному замыслу целей. Классический пример – концепция прав человека, которая на Западе исторически развивалась как защита индивида от государства, а в современном российском дискурсе нередко используется для обоснования защиты суверенитета государства от внешнего вмешательства (так называемая «традиционная» или «суверенная» трактовка прав человека).

Выводы

Современная российская государственность представляет собой не механическую сумму заимствованных элементов и не изолированный «осо-

бый путь», а сложный, исторически развёртывающийся синтез. В этом синтезе:

- внешние идеи выступают как стимулы и источники проблематизации (они ставят вопросы, на которые российская традиция вынуждена отвечать);

- цивилизационная матрица выступает как селективный и трансформирующий механизм (она фильтрует и перерабатывает эти идеи);

- результат синтеза – уникальная конфигурация, не сводимая ни к одному из исходных компонентов.

В этой конфигурации британские по происхождению элементы (рыночные механизмы, парламентские процедуры, оценка эффективности, макроэкономическое регулирование) сосуществуют с традиционными для России этатизмом, соборностью, патернализмом и мобилизационными практиками. Это сосуществование не всегда гармонично, оно порождает внутренние напряжения и противоречия, но именно оно и составляет живую ткань современной российской государственности.

Возвращаясь к исходному тезису статьи, можно утверждать: британская философия действительно сыграла значимую роль в формировании российской государственности, но эта роль заключалась не в предоставлении готовых образцов для копирования, а в поставке интеллектуального материала, который был переработан национальной цивилизационной матрицей в соответствии с её собственными глубинными кодами. Самобытность есть, таким образом, имя этого процесса переработки и его результата.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 2: Опыт XVI «О безбожии». Москва: Мысль, 1972. С. 386.
2. Юм Д. Исследование о человеческом познании. Сочинения: в 2 т. Т. 2. Москва: Мысль, 1966. 320 с.
3. Блауг М., Юм Д. 100 великих экономистов до Кейнса. Санкт-Петербург: Экономикс, 2008. С. 343-345. ISBN 978-5-903816-03-3.
4. Беркли Дж. Три разговора между Гиласом и Филонусом. Третий разговор. Сочинения. Москва: Мысль, 1978. С. 326.
5. Готт В.С. Философские вопросы современной физики. Москва: Высшая школа, 1972. С. 63.
6. Локк Дж. Второй трактат о правлении. URL: <http://johnlocke.wallst.ru/second-treatise-of-government/>.
7. Гоббс Т. Философские основания учения о гражданине. Москва-Минск: АСТ, Харвест, 2001. С. 158. ISBN 5-17-007696-3.
8. Hashimzare N., Hindriks J., Myles D. Intermediate Public Economics. Cambridge: MIT Press, 2006. 720 p. ISBN 978-0-262-08344-7.
9. Смит А. Теория нравственных чувств / перевод с английского П. Бибилова. Москва: АСТ, 2022. 512 с. ISBN 978-5-17-148802-2.
10. Мальтус Т. Опыт закона о народонаселении. Москва: Наше завтра, 2022. 320 с. ISBN 978-5-6047533-8-7.

11. Милль Дж. С. Система логики, силлогистической и индуктивной. Москва: Мысль, 2010. 740 с. ISBN 978-5-244-01122-2.
12. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. Москва: Эксмо, 2007. 960 с. ISBN 978-5-699-20958-5.

Информация об авторах

Окороков Владимир Михайлович – кандидат экономических наук, доцент, ректор Курского института менеджмента, экономики и бизнеса

Кликунов Николай Дмитриевич – кандидат экономических наук, доцент, проректор по научной работе и инновационному развитию Курского института менеджмента, экономики и бизнеса

Окорокова Полина Владимировна – старший преподаватель Курского института менеджмента, экономики и бизнеса

Окороков Алексей Владимирович – старший преподаватель Курского института менеджмента, экономики и бизнеса

REFERENCES

1. Bacon, F. (1972). Works: in 2 vols. Vol. 2: Essay XVI 'On Atheism'. Moscow: Thought, p. 386. (In Russ.)
2. Hume, D. (1966). A Treatise of Human Nature. Works: in 2 vols. Vol. 2. Moscow: Thought, 320 p. (In Russ.)
3. Blaug, M. (2008). Hume, D. 100 Great Economists before Keynes. St. Petersburg: Economicus, pp. 343-345. ISBN 978-5-903816-03-3. (In Russ.)
4. Berkeley, G. (1978). Three Conversations between Gilas and Philonous. The Third Conversation. Works. Moscow: Thought, p. 326. (In Russ.)
5. Gott, V.S. (1972). Philosophical Issues of Modern Physics. Moscow: Higher School, p. 63. (In Russ.)
6. Locke, J. The Second Treatise of Government. URL: <http://johnlocke.wallst.ru/second-treatise-of-government/>. (In Russ.)
7. Hobbes, T. (2001). Philosophical Foundations of the Doctrine of the Citizen. Moscow-Minsk: AST, Harvest, p. 158. ISBN 5-17-007696-3. (In Russ.)
8. Hashimzare, N., Hindriks, J., Myles, D. (2006). Intermediate Public Economics. Cambridge: MIT Press, 720 p. ISBN 978-0-262-08344-7.
9. Smith, A. (2022). The Theory of Moral Sentiments / translated from English by P. Bibikov. Moscow: AST, 512 p. ISBN 978-5-17-148802-2. (In Russ.)
10. Malthus, T. (2022). An Essay on the Principle of Population. Moscow: Our Tomorrow, 320 p. ISBN 978-5-6047533-8-7. (In Russ.)
11. Mill, J.S. (2010). A System of Logic, Syllogistic and Inductive. Moscow: Thought, 740 p. ISBN 978-5-244-01122-2. (In Russ.)
12. Keynes, J.M. (2007). The General Theory of Employment, Interest and Money. Moscow: Eksmo, 960 p. ISBN 978-5-699-20958-5. (In Russ.)

Information about the authors

Vladimir M. Okorokov – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Rector of Kursk Institute of Management, Economics and Business

Nikolai D. Klikunov – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Vice-Rector for Research and Innovative Development, Kursk Institute of Management, Economics and Business

Polina V. Okorokova – lecturer at the Kursk Institute of Management, Economics and Business

Alexey V. Okorokov – lecturer at the Kursk Institute of Management, Economics and Business

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию (Reserved) 18.12.2025

Поступила после рецензирования 11.02.2026

Принята к публикации (Accepted) 10.03.2026